

— Ладно, — Сюань Ли протянул Линь Цанхэ сложенную одежду из тысячи шелкопрядов. — Примерь-ка.

Линь Цанхэ принял подарок. Не успел он толком расправить ткань и завязать пояс, как наставник без предупреждения нанёс резкий удар ладонью прямо ему в грудь. Юноша оторопел. Уклониться он уже не успевал, а потому лишь зажмурился, приготовившись к худшему.

В этот выпад Сюань Ли вложил едва ли десятую долю своей истинной силы. Линь Цанхэ отшатнулся на несколько шагов, но с удивлением обнаружил, что не почувствовал даже малейшей боли. Броня сработала безупречно.

Сюань Ли удовлетворённо кивнул.

— А ведь неплохо. Старший брат Сюань Цин хоть и бывает порой несносен, но подарки выбирает на совесть. Теперь я за тебя спокоен. Всё прочее зависит лишь от тебя самого. Запомни: если поймёшь, что противник сильнее — сразу сдавайся. Не вздумай геройствовать.

Линь Цанхэ только-только собрался искренне порадоваться великолепной защите, но стоило услышать имя дарителя, как вся радость мигом улетучилась, уступив место глухому раздражению. Ему даже захотелось тайком снять одеяние перед началом состязаний. Но, вспомнив, что Сюань Ли полночи кропотливо наполнял эту ткань силой камней духа, юноша устыдился своей мелочности. Он лишь обречённо вздохнул, смиряясь с неизбежным.

— К слову, за последнее время я надарил тебе немало редких артефактов, — продолжил Сюань Ли. — Но сейчас я приготовил кое-что по-настоящему особенное.

Линь Цанхэ так и просиял от любопытства:

— Что же это, учитель? Какой-то легендарный клинок?

Сюань Ли разжал ладонь. На его бледной коже лежал неказистый, угольно-чёрный шарик. Наставник протянул его ученику.

— Э-э... И что это? — Линь Цанхэ осторожно взял шарик двумя пальцами и покрутил перед самым носом, пытаясь разгадать его назначение.

— Это Жемчужина Сюань Ли, — с гордостью пояснил тот.

Юноша невольно засомневался.

"Опять очередное чудачество Мужун Шисаня? Небось сам состряпал какую-нибудь

диковинную пилюлю, которая принесёт больше вреда, чем пользы. Уж в Кровавом царстве бесконечности он меня знатно ими пичкал. Помню, как-то раз этот шутник подсунул мне под видом целебного снадобья какую-то гадость... Как же её... Точно, пилюлю финика и банана! Редкостная отравка, вкус до сих пор в горле стоит"

К горлу подкатила тошнота. Удивительно: после стольких перерождений его воспоминания о Кровавом царстве стали сбивчивыми и неясными, но тот кошмарный вкус он запомнил намертво.

Заметив, как помрачнел ученик, Сюань Ли поспешил оправдаться:

— Выглядит невзрачно, согласен. Но её можно есть, и вкус, уверяю, тебя приятно удивит.

"Ага, так я тебе и поверил! Свежо предание, да верится с трудом!"

Видя, что лицо парня вытянулось ещё сильнее и он явно не желал глотать подношение, Сюань Ли посерьёзней.

— Эта жемчужина соткана из моей собственной духовной энергии, — тихо произнёс он. — Если окажешься на краю гибели, прими её. Она убережёт твоё сердце и спасёт жизнь.

Линь Цанхэ затаил дыхание.

"Духовная энергия в твёрдой форме?! Невероятно..."

Духовные токи бесплотны, и лишь величайшие мастера способны сгустить их, превратив в осязаемый предмет. Мало того что это требует колоссальных затрат сил и вредит собственному самочувствию, так ещё и времени уходит уйма. Даже практику на пике Царства сокровенного превращения понадобилось бы не меньше полугода, чтобы сотворить подобное.

На душе у Линь Цанхэ мгновенно потеплело. Он растерянно перекатывал драгоценный шарик в руках, не зная, куда надёжнее его спрятать. Наконец, бережно убрав подарок во внутренний карман, он негромко произнёс:

— Благодарю, учитель. Я сберегу её.

За обедом Сюань Ли вдруг прервал молчание:

— Послушай, ты ведь покинул родные края больше года назад. Не хочешь навестить дом?

Линь Цанхэ замер.

"Этот год, прожитый словно в сладкой грёзе, почти стёр из моей памяти былые унижения. Но стоило ли забывать? Разве подобает великому Демоническому владыке спускать смертному червю издевательства? Конечно же, я вернусь. Поквитаюсь за каждую обиду и заодно успокою мятежный дух той бедной женщины, что когда-то подобрала меня на улице и дала кров"

По совести говоря, в её кончине была и его вина. Рождение божественного артефакта в теле смертного — событие столь исключительное, что оно разом исчерпывает весь лимит везения окружающих. Хоть Линь Цанхэ и отличался от обычного оружия, закон равновесия пощады не знал.

В прежние времена, дабы не растерять остатки благословения Небес и не навлечь вечную беду на Мужун Шисаня при их будущей встрече, ему частенько приходилось перекладывать чужие невзгоды на плечи своих соратников. Не самый благородный путь, но весьма действенный.

"Но даже так... неужели моё присутствие на этот раз никак не скажется на судьбе Мужун Шисаня?"

Линь Цанхэ нахмурился, чувствуя, как внутри шевелится смутная тревога.

Заметив тень, пробежавшую по лицу ученика, Сюань Ли решил, что тот загрустил о доме, и поспешил перевести разговор на другую тему:

— Кстати, есть кое-что, о чём я давно хотел спросить.

Юноша вопросительно посмотрел на наставника.

— Смертные считают года, а для нас, практиков, время течёт иначе, — улыбнулся Сюань Ли, подперев подбородок ладонью. — Но всё же... Малыш, сколько тебе лет на самом деле? Удивительно, как быстро ты возмужал всего за один год. Помню, когда я забрал тебя, ты был совсем крошечным, забитым воробушком, а теперь... вымахал, расцвёл, стал таким статным да изящным!

Линь Цанхэ насупился, видя на лице наставника гордость заботливого отца, чья дочь наконец-то выросла и готова к выходу в свет.

"Это кто тут расцвёл?! Это кого ты изящным назвал? Сам ты... изящный!"

— Мне уже семнадцать, — с достоинством ответил он. — И вообще, учитель, я мужчина. К моей внешности больше подходит слово «мужественный», а не «прелестный»!

Сюань Ли лишь рассмеялся, не меняя позы:

— Что ж, похоже, воздух во Дворце Небесного Механизма и впрямь творит чудеса.

Юноша действительно переменился. Он стал выше на целую голову, угловатые детские черты сгладились, явив миру благородный облик. Благодаря тонким, летящим бровям он выглядел сурово и решительно, а его взгляд оставался чистым и глубоким, а мягкие, словно шёлк, волосы были аккуратно подколоты простой нефритовой шпилькой. В белоснежном халате, сжимавший тонкими пальцами изящную чарку, он казался сошедшим с древней картины небожителем.

От этого пристального, изучающего взгляда Линь Цанхэ почувствовал, как его сердце пропустило удар.

"Мужун Шисань, прекрати так смотреть... Иначе я окончательно сгорю со стыда"

Он предательски покраснел.

— Надо же, смутился — и стал ещё краше, — забавлялся Сюань Ли. — Взрослый ведь парень, а краснеешь от обычного взгляда наставника. Как же ты собираешься выходить в свет? Тебе ведь предстоит общаться со множеством людей. Придётся тебе поучиться хладнокровию.

"Да при чём тут другие люди? Я робею только перед тобой..."

Он неловко кашлянул, пытаясь скрыть смущение, и быстро перевёл тему:

— А сколько лет вам, учитель?

Сюань Ли небрежно откинул прядь волос с лица и неторопливо подошёл к окну.

— Несколько тысяч лет, пожалуй. Я живу слишком долго, чтобы вести точный счёт.

Линь Цанхэ надолго замолчал. Повеяло холодом от этих слов.

— Учитель... — осторожно начал он. — Все эти тысячи лет вы были совсем один? Я имею в виду... вы никогда не думали о том, чтобы найти спутника жизни? Сестру по Дао?

Сюань Ли промолчал, устремив взгляд в темнеющие дали.

— Простите, — спохватился Линь Цанхэ. — Я зашёл слишком далеко. Не стоило мне расспрашивать о личном.

— Ерунда, — мягко отозвался Сюань Ли, обернувшись. — Здесь нет никаких тайн. Мы ступили

на тропу бессмертия. Мы обрели вечную молодость и равный вечности век. К чему обременять себя привязанностями, которые лишь смущают покой души?

— Поэтому вы раньше и учеников не брали?

Сюань Ли поднял глаза к небу, усыпанному первыми звёздами.

— Смертные суетятся. Бедняки бьются за монету, богачи — за славу, вельможи — за власть. Но к чему бы они ни стремились, всё сводится к одному: они отчаянно пытаются оставить свой след в этом мире. Опутать его невидимыми нитями. У практиков всё иначе, хотя суть та же. Одни набирают учеников ради укрепления влияния своей секты, другие — чтобы передать наследие предков. Мне же всё это чуждо. Зачем мне добровольно заковывать себя в кандалы чужих судеб? Я покинул отчий дом ещё ребёнком. Поначалу изредка навещал родных, но со временем перестал.

— Почему? — искренне удивился Линь Цанхэ.

"Странно. Когда мы были в Кровавом царстве, Мужун Шисань частенько с теплотой вспоминал свою родню. Неужели они не ладили?"

Сюань Ли качнул головой.

— Потому что это утомительно. Не желая расстраивать их, мне приходилось притворяться, подстраиваться под их ожидания. Эта удушающая забота... я возненавидел её всем сердцем. Впрочем, пустое это всё.

Он невесело усмехнулся:

— Все в нашей обители считают твоего дядюшку Сюань Цина бесчувственной ледышкой. Но никто не догадывается, что истинный эгоист с мёртвым сердцем — это я.

Линь Цанхэ смотрел на его фальшивую, лёгкую улыбку, и он чувствовал глухую боль.

"Нет... Это не мой Мужун Шисань. По крайней мере, не тот, кого я знал. Что же сломало его? Что превратило весёлого, искреннего человека в эту безжизненную тень?"

Заметив, что парень вот-вот расплчется, Сюань Ли мгновенно оказался рядом и мягко потрепал его по тёмной макушке.

— Ну же, не нужно лить слёзы из-за моих бредней. Всё изменилось. С тех пор как ты появился в моей жизни, я начал думать... возможно, иметь близкого человека — это не такая уж плохая затея.

Линь Цанхэ знал: эти слова — лишь утешение. Наставник по-прежнему смотрел с ледяным равнодушием к миру. Юноша слишком хорошо помнил прежнего Сюань Ли — общительного, обаятельного балагура, способного за десять минут прогулки по рынку свести дружбу с торговцем вонтонами так, что тот отдавал ему миску бесплатно. И видеть его теперь таким...

Его сдавило тисками невыносимой жалости. Линь Цанхэ рванулся вперёд и крепко обнял Сюань Ли, уткнувшись ему в плечо, не в силах вымолвить ни слова от подступивших к горлу слёз.

— Ну тихо, тихо... — Сюань Ли ласково погладил его по спине. — Если моему Сяо Цанхэ так не хватает материнской заботы, я, так и быть, могу переступить через свои принципы и найти себе спутницу.

"Какая ещё спутница?! Кроме меня у тебя никого не будет!"

Линь Цанхэ отчаянно замотал головой:

— Не надо никого. Мне и с вами хорошо.

Сюань Ли усмехнулся и вновь спросил, уже серьёзнее:

— Так что, полетишь домой?

— Да, пора, — Линь Цанхэ неохотно отстранился. Затем, глядя снизу вверх, робко спросил: — Учитель... А если я... натворю там дел? Поступлю жестоко, неподобающе праведному заклинателю?

Сюань Ли сладко потянулся и зевнул.

— Твои личные счёты меня не касаются. Делай что должен. И ничего не бойся: если земля начнёт гореть под ногами — твой учитель прикроет твою спину. Ступай со спокойной душой.

Линь Цанхэ облегчённо выдохнул. Как бы ни изменился этот человек, его безграничное доверие и защита оставались незыблемыми. Юноша снова стиснул Сюань Ли в объятиях:

— За какие заслуги мне достался лучший учитель в поднебесной?

— Ну всё, будет тебе, — с шутливым вздохом покачал головой Сюань Ли. — Семнадцать лет лбу, а ластится как щенок. Иди уже.

Линь Цанхэ улыбнулся, разомкнул руки и поспешил к выходу.

Ночной ветер приятно охлаждал лицо, пока он летел на мече прочь от горы Цанъи. Лишь теперь Линь Цанхэ смог успокоить бушевавшие чувства. Ему и в страшном сне не могло присниться, насколько глубоко Сюань Ли отгородился от живого мира. Человек с такой пустотой в душе не станет бороться за жизнь, если случится беда. В критический момент он просто позволит тьме забрать его...

От этой мысли кровь застыла в жилах. Он не смел думать о худшем.

"Мужун Шисань... Клянусь, что бы ни сотворило это с твоим разумом, я найду способ вернуть твою прежнюю улыбку"

После ухода ученика во дворец вошёл Сюань Цин. На этот раз он выглядел необычно: сменил привычные тёмные одежды на нежно-лазурный халат, подпоясанный белоснежным шёлковым кушаком, обул новые светлые сапоги, а волосы заколол аккуратной нефритовой заколкой. Тот, кто хорошо знал Сюань Ли, сразу заметил бы, что наряд гостя почти в точности повторяет облачение хозяина дворца.

Сюань Ли удивлённо приподнял бровь.

"Его что, копытом в лоб ударили? С чего вдруг такое преображение?"

— Старший брат Сюань Цин, — с весёлой поддевкой заговорил он. — Если мне не изменяет память, ты всегда предпочитал строгий чёрный цвет. Что за муха тебя укусила? Решил примерить светлые тона? Да ещё и фасон один в один как у меня. Никогда бы не подумал, что ты втайне стремишься мне подражать.

Сюань Цин промолчал, сохранив каменное выражение лица.

"Ого, даже ухом не повел. Неужели стряслось что-то серьёзное? Ну-ка, зайдём с другой стороны..."

Сюань Ли не унимался:

— Хотя должен признать, светлое тебе к лицу. Сразу растерял половину своего грозного вида. Стал похож на благородного юношу... знаешь, из тех бедных, но смазливых школяров в дешёвых пьесах, которые прокрадываются по ночам в сад к богатым барышням.

Он внимательно следил за лицом собеседника, но тот даже бровью не повёл.

"Точно. Что-то стряслось"

Сюань Ли уже собирался спросить прямо, без шуток. Вдруг Сюань Цин резко схватил его за предплечье:

— Пойдём. Разомнёмся.

— Эй-эй, полегче! — Сюань Ли попытался высвободить руку. — К чему такие крайности? Вижу, что ты не в духе. Зря я, пожалуй, полез с подколками... Братец, ты ведь не на шутку разозлился? Я же просто дурачился.

— Нет, — сухо обронил Сюань Цин, отпуская его руку и отворачиваясь к окну.

В его взгляде на мгновение промелькнула глубокая, затаённая печаль.

"Столько лет прошло... Ты снова кажешься прежним, смеёшься, язвишь. Я думал, ты оправился. Но вернулась лишь твоя плоть... Твоя душа навеки осталась там, в Кровавом царстве бесконечности. Какая невосполнимая утрата... Эх"

После затянувшейся паузы Сюань Цин глухо спросил:

— Зачем ты отпустил Цанхэ? Решил устроить ему испытание перед турниром?

Поняв, что буря миновала, Сюань Ли окончательно расслабился.

— Да какое там испытание, — он лениво взъерошил свои волосы. — Ему хватило и тех бесчисленных ступеней при подъёме на гору Цанъи. Мальчишке нужно закрыть прошлые долги и избавиться от старых обид. Иначе они мёртвым грузом повиснут на нём и не дадут двигаться по пути Дао.

— Ты слишком печёшься о нём, — заметил Сюань Цин. — За все века к тебе просились сотни куда более одарённых юношей. Почему именно он удостоился твоей милости?

Сюань Ли негромко рассмеялся, вспомнив день их встречи. Будь у него тогда выбор, этой связи никогда бы не случилось.

— Поверишь, если скажу, что этот наглец просто бесцеремонно сел мне на шею?

Сюань Цин лишь молча вскинул бровь.

— Но вышло забавно, — с мягкой улыбкой продолжил Сюань Ли. — Наш Сяо Цанхэ действительно одарён не по годам. Редко встретишь столь чистый и податливый разум.

Сюань Цин отнёсся к похвале скептически:

— Преодолеть почти две ступени совершенствования за год — достижение достойное, но для нашей горы Цанъи далеко не уникальное.

— Не за год, а за неполные полгода, — с самодовольным видом поправил его Сюань Ли. — Первые шесть месяцев он только учился читать и писать.

Сюань Цин искренне изумился:

— Полгода?! Подобная скорость граничит с гениальностью. Мальчишка идёт вровень с нами в его годы. Если так пойдёт и дальше, он превзойдёт наши ожидания.

Сюань Ли так и просиял от гордости, тактично умалчивая о трудностях воспитания:

— Ну что, завидуешь?

Сюань Цин лишь презрительно фыркнул:

— Было бы чему. Мой Цзышан уже достиг Небесного ранга.

Улыбка Сюань Ли мгновенно увяла.

— Ладно, идём, — Сюань Цин направился к выходу.

— Куда это? — удивился тот.

— Поглядим, как твой воспитанник решает свои земные проблемы. На словах-то тебе всё равно, а сам извёлся от беспокойства.

Деревня Фулянь

Подлетая к границам поселения, Линь Цанхэ опустил на землю и спрятал меч в ножны. Оставшуюся часть пути он решил проделать пешком. С каждым шагом забытые, казалось, картины прошлого проступали в его разуме всё отчётливее.

— Да у него на роду написано несчастья приносить! Клейма ставить негде!

— Его несчастная мать в петлю полезла из-за этого отродья! Настоящий демон во плоти!

— Был бы я его отцом — давно бы в лесу прикопал!

Голоса давно сгинувших односельчан эхом зазвучали в ушах. Линь Цанхэ лишь криво усмехнулся.

"Да уж, тёплым этот приём не назовёшь"

Юноша ускорил шаг.

Внутри убогой лачуги ничего не изменилось: повсюду валялись осколки дешёвых кувшинов, пахло перегаром и гнилью. На колченогой кровати, раскинув руки и громко храпя, лежал мертвецки пьяный Чэнь Юцай.

Линь Цанхэ окинул отчима брезгливым взглядом. Его взор зацепился за брошенный на полу пустой вышитый мешочек.

"Понятно. Камни духа, что оставил ему Мужун Шисань, уже проиграны подчистую. Местные картёжники небось молятся на этого дурака"

Юноша брезгливо отвернулся от спящего и подошёл к центральной опоре дома. Он задрал голову, разглядывая почерневшую от копоти потолочную балку.

"Если память мне не изменяет... она повесилась именно здесь"

Двое старейшин Цанъи, укрывшись пологом невидимости, бесшумно наблюдали за ним из угла комнаты.

Обычно немногословный Сюань Цин недоуменно прошептал:

— Что задумал твой малец?

Сюань Ли и сам терялся в догадках. Он ожидал, что Линь Цанхэ переломает негодяю кости, но юноша даже не взглянул на спящего пьяницу. Бездушная деревянная балка интересовала его куда сильнее.

Вдруг Линь Цанхэ медленно поднял руку, сплетая пальцами сложную, зловещую печать. Сюань Ли застыл. Он прищурился, а его пальцы судорожно вцепились в складки собственных одежд.

"Лань И?! Это действительно он?!"

Внутри у Сюань Ли всё перевернулось. Эта техника — запретный массив «Убийство сердца для возвращения лотоса». Секретное искусство, созданное Лань И. Никто во всех пяти мирах не владел им. Даже сам Сюань Ли после долгих лет упорных тренировок едва ли мог воссоздать хотя бы бледное подобие этого узора.

"Лань И... Неужели мы наконец встретились?"

Сюань Ли сделал произвольный шаг вперёд, готовый раскрыть себя, но тут же осёкся и замер как вкопанный.

"Нет, нельзя... После того, что случилось тогда... я... разве я достоин снова смотреть ему в глаза?"

С трудом подавив порыв, он медленно разжал кулаки.

"Главное — он здесь. Я нашёл его. Лань И... На этот раз я костями лягу, но сберегу тебя. Никто больше не посмеет причинить тебе боль"

Сюань Цин почувствовал, как резко изменилось состояние его спутника. Почувяв неладное, он тихо спросил:

— Сюань Ли, что с тобой? Ты сам не свой.

— Всё в порядке, — натянуто улыбнулся тот, не отводя взгляда от юноши.

С тех пор как Сюань Ли покинул Кровавое царство бесконечности, его ничто не трогало. Он казался ко всему равнодушным. Подобную бурю эмоций на его лице Сюань Цин видел впервые. Но расспрашивать было бесполезно — если Сюань Ли замыкался в себе, из него и слова нельзя было вытянуть. Сюань Цин перевёл взгляд на Линь Цанхэ. Иероглифы, вспыхивающие под его пальцами, сияли тусклым, болотным светом.

"Этот метод... Слишком много скверны. Такому не учат в праведных сектах" — нахмурился старейшина.

Линь Цанхэ закончил плетение. Символы замерли в воздухе, тускло мерцая. Юноша отошёл к стене, небрежно прислонился к ней спиной и сложил руки на груди, ожидая результата.

Прошло несколько мгновений. Потолочная балка затрещала, испуская волны ледящего холода. Плотный клубящийся туман вырвался из щелей древесины и начал сгущаться, постепенно обретая очертания полупрозрачной женской фигуры с искажённым от вечной муки лицом.

Сюань Цин схватился за рукоять меча.

"Некромантия! Призыв неупокоенных душ! Недопустимо для нашего ученика. Если не пресечь это сейчас, парень ступит на тропу тьмы"

Он уже собирался сорвать маскировку и вмешаться, но Сюань Ли, словно предугадав его действия, мягко положил ладонь ему на плечо, удерживая на месте.

— Сюань Ли! — гневно прошептал Сюань Цин. — Даже если это твой единственный преемник, ты не должен потворствовать скверне! Рано или поздно его прегрешения падут на твою голову!

— Я сам со всем разберусь, — не допускающим возражений тоном ответил Сюань Ли.

Сюань Цин долго вглядывался в решительное лицо брата, после чего медленно убрал руку от эфеса.

— Спасибо, брат, — Сюань Ли слегка склонил голову в знак признательности.

Сюань Цин вздрогнул. Столь вежливый, но бесконечно далёкий тон больно резанул по самолюбию. С тех пор как Сюань Ли вернулся, между ними словно выросла невидимая стена.

— Не стоит, — сухо бросил он и отвёл взгляд.

<http://bllate.org/book/18239/1749216>